

— Не знаю, возможно, это было предопределено. Теперь, вспоминая, я понимаю, что в глубине души у меня была тайная мысль — «На юг! На юг!» Я даже сам не осознавал этого, просто шёл, опустив голову, всё время на юг.

Он поднял голову, глядя на плывущие в небе облака, и произнёс это спокойным тоном.

— Если так посчитать, ты был бродягой всего несколько месяцев, почему же ты выглядел так ужасно?

— Я не с этого момента начал бродяжничать. Я бродяжничал уже пять лет.

— Правда?

— Хэ Ци, — он назвал его по имени, — с того момента, как я выбежал из дверей концертного зала, я бродяжничал, пока не встретил тебя на мосту Байшуй.

Син Янь смотрел на него с невыразимыми эмоциями в глазах, и Хэ Ци на мгновение застыл, не в силах оторвать взгляд от его лица. Он будто что-то смутно уловил, но в то же время оставался в неведении.

Угол солнечного света постепенно смещался, и тени деревьев на земле становились всё длиннее, закрывая собой красный кирпичный пол перед скамейкой, на которой сидели двое. Дневной свет стал мягче, а ветер приносил приятную прохладу. Утренняя духота сменилась свежим ветерком с реки, навевая лёгкую сонливость. Простой мост Байшуй, освещённый закатом, приобрёл оранжевый оттенок, отражаясь в сверкающей воде.

Это было самое оживлённое время дня. Местные жители любили выходить на прогулки. Ужин ещё не был готов, светлое время суток не закончилось, и люди спешили прогуляться по парку, вдохнуть свежий воздух и расслабиться перед началом новой рабочей недели. Хэ Ци уже успел увидеть не меньше десятка людей, выгуливающих собак, бегунов, пожилых людей, танцующих в парке, и даже молодые пары, которые хотели присесть на скамейку, но, увидев, что она занята двумя мужчинами, бросали на них недовольные взгляды.

Хэ Ци похлопал себя по колену и сказал Син Яню:

— Может, пойдём обратно? Или хочешь прогуляться по парку?

Он указал на Народный парк, скрытый за кустами и деревьями. Син Янь оглянулся и увидел, что на лужайке уже установили большой динамик, вокруг которого собрались пожилые люди, поспешившие занять места, чтобы их не заняла другая группа танцоров. Парк был захвачен, динамик включили, и зазвучали популярные среди пожилых людей песни. Для чувствительного слуха Син Яня это было слишком, и он предложил:

— Давай поедим жареной лапши.

Хэ Ци удивился:

— Сейчас ты хочешь жареной лапши?

Поначалу он даже не понял, просто был слегка ошеломлён. Он планировал сегодня приготовить ужин для Син Яня, ведь давно не заходил на кухню, а сегодня был воскресный день.

— Как насчёт того, чтобы я приготовил?

Он хотел дать Син Яню отдохнуть.

Но, произнеся это, он вдруг вспомнил. В первую ночь их встречи он накормил неопрятного Син Яня жареной лапшой с уличной палатки. Тогда Син Янь был словно загнанный зверь, боялся каждого взгляда и хотел спрятаться под столбом. Вспоминая его тогдашний вид, Хэ Ци почувствовал, как в его сердце что-то смягчилось.

Сегодня всё прошлое можно было вынести на свет, чтобы осмыслить и разобрать, будь то горечь или счастье.

Он встал и сказал Син Яню:

— Пойдём, поедим жареного риса! А потом выпьем бутылок двадцать пива. Сегодня пусть всё плохое останется в прошлом. С завтрашнего дня ты будешь жить для себя, а не для других. Живи, как хочешь, ешь, что хочешь, играй, что хочешь, люби, кого хочешь, и пусть никто тебя не контролирует...

Он не успел договорить, как лицо Син Яня уже было залито слезами.

Он поднял голову, внимательно глядя в глаза Хэ Ци, слезы стекали по его лицу и падали на руки, сложенные на коленях.

Не было слов прекраснее этих. На мосту Байшуй Хэ Ци спас его жизнь, сказав «Я тебя люблю». Он думал, что ничто не сможет тронуть его больше, чем эти три слова.

Он не мог сдержать бурю эмоций. Хэ Ци снова спас его. Как же ему повезло встретить среди миллионов такого человека, который вытащил его из бесконечного моря страданий, принял его, успокоил и нежно коснулся его истерзанной души.

Хэ Ци, увидев, что он плачет, растерялся. Вокруг было столько людей, и трудно было не привлечь внимание. Син Янь опустил голову, закрыл лицо руками, и его плечи время от времени вздрагивали от рыданий. Он давно не плакал, и Хэ Ци почти забыл, каким чувствительным и плаксивым он был в начале их знакомства.

— Не плачь, — тихо сказал Хэ Ци, успокаивая его.

Но Син Янь не останавливался. Он вздохнул и, не обращая внимания на окружающих, мягко притянул его голову к своей груди, на этот раз сквозь зубы произнеся:

— Плачь, выплачь все свои обиды! Сегодня поплачь, а завтра больше не будешь!

Произнеся это, он почувствовал, как его образ вырос в несколько раз. Он словно стал героем из уся, благородным старшим братом, утешающим своего верного друга. Он даже почувствовал себя настоящим мужчиной, на которого можно положиться, хотя на самом деле он был намного моложе Син Яня. Вместе с сочувствием и жалостью в его сердце зародилась и гордость за собственное взросление.

Не успел он выйти из своих фантазий, как крепкие руки обняли его, плотно прижав к себе. Син Янь уткнулся лицом в его грудь, сжав кулаки за его спиной, и крепко сжал его, так что Хэ Ци едва мог дышать. Но он не стал отталкивать Син Яня, это было бы бесчеловечно. Он искренне хотел его утешить, надеясь, что его действия хоть немного облегчат его страдания.

Он похлопал Син Яня по плечу, но тот не реагировал. Тогда он мягко положил руку на его спину, успокаивая. Эта поза была слишком интимной, и Хэ Ци не знал, с какими чувствами Син Янь обнимал его.

Прохожие с любопытством смотрели на странную пару на скамейке. Иногда кто-то проходил мимо, шепча своему спутнику: «Что они делают?» — и уходил. Никто не стал бы вникать в причины, по которым этот крупный мужчина рыдал навзрыд, лишь бросая удивлённые взгляды, проходя мимо. Люди эгоистичны, трусливы и слабы, кто бы стал искренне заботиться о незнакомце, рискуя навлечь на себя неприятности?

Вспоминая их первую встречу, Хэ Ци подумал, что тогда Син Янь плакал так же горько, даже сказав: «Моя жизнь закончилась». Как бы он его ни утешал, тот не слушал. Смешно, что он смог увести его с моста, просто предложив ужин.

Насколько же он был тогда отчаян, стоя на слабо освещённом мосту Байшуй, глядя на тёмные, бурные воды внизу, размышляя, не прыгнуть ли, чтобы покончить с жизнью. Это, вероятно, было самым жалким моментом его жизни — грязный, неухоженный, с запахом, от которого трудно было находиться рядом. Сказать, что он спал у мусорного бака, было бы преувеличением. Хэ Ци тогда даже подумал, что он только что выбрался из свалки. Что он пережил за годы бродяжничества, сколько презрения и жестокости от людей он вынес, Хэ Ци даже представить не мог. Когда-то он был на вершине славы, стоял в центре внимания, а потом внезапно упал в грязь. Насколько же судьба должна была быть переменчивой, чтобы человек мог упасть с небес прямо в ад?

|

<http://bllate.org/book/16327/1474015>